

- ...и тогда Аргаррон приказал принести в жертву всех обитателей города Ошлар, что на острове Алашом, после чего настолько пресытился жертвенными душами, что уже был почти также могущественен, как и бог-претендент, к чему он, кстати говоря, и стремился...
Ростислав, ты что, спишь?

- Нет-нет! - вскинулся юноша, которого разморил падающий из окна теплый и ласковый луч солнца, - Я просто... э...

- Просто спишь, - заключил Ломдар-Каюн, откладывая толстый фолиант летописи, - Ладно, перерыв... В такую погоду просто грешно просиживать в четырех стенах.

- Спасибо, учитель, - просветлел юноша, - Ты всегда на шаг опережаешь мои вопросы и просьбы...

- Я вырастил более сотни молодых магов, Ростислав, - улыбнулся старик, - Иди и полетай на свежем воздухе.

- В моем мире сказали бы - «погуляй», - сказал Коротков, встав из-за столика. Он потянулся, затекшие суставы протестующе хрустнули.

- Так и говорят Бескрылые, - кивнул старый маг, - Но зачем ходить, если можно летать?

- Угу, - Ростислав кивнул, после чего разбежался и выпрыгнул в открытое окно, уже на лету расправляя крылья.

Ломдар-Каюн еще услышал боевой клич команчей, который издал Ростислав, взмывая в небо.

- Дети... - усмехнулся старик, - Никогда вы не изменитесь...

Ростислав, резво работая крыльями, поднимался все выше и выше над Радужным Городом, о котором уже привык думать, как о своем новом доме. Внизу раскинулись концентрические круги кварталов, зеленые ковры полей и острова садов, сверкающие голубым каналы с чистейшей водой, белоснежные громады цитаделей...

Вскоре, когда юноша поднялся уже достаточно высоко, проявился и радужный узор, который, как Ростислав недавно узнал, служил не только для красоты, но и для защиты от магической атаки. Любое темное заклятье, направленное на Радужный Город, неминуемо разбилось бы о несокрушимый барьер.

Ростислав закрыл глаза, раскинул руки в стороны. Почувствовал, как по телу прошла волна,

когда он пролетал через барьер, произнес несколько слов. В кончиках пальцев тут же собралось легкое покалывание, сознание заволокла бескрайняя небесная синева... тело стало легким, послушным, крылья будто раскинулись на все небо, обнимая, поддерживая...

Ростислав глубоко вздохнул. Небесная Тропа принимала его с каждым разом все легче и все глубже, и юноша хотел экспериментально установить, как будет выглядеть апогей этого слияния. Через короткое время он открыл глаза. Вокруг, насколько хватало глаз, раскидывались нагромождения облаков, сверкающие в свете яркого солнца. Вдалеке из-за облачного холма выглядывал остров с Радужным Городом, едва заметный среди сверкающей белизны.

- Как же красиво, - прошептал Ростислав одними губами, - Каким же чудовищем надо быть, чтобы посягнуть на подобное...

Он заложил вираж, подставив висящему в зените солнцу лицо и грудь. Зажмурился, когда яркий свет ударил в глаза, прочувствовал теплый поток солнечных лучей...

Эаллойенум, сидящий на облаке невдалеке, с грустной улыбкой глядел на танцующего в облаках Избранника. Тот кувырчался в воздухе, ловко ловя крыльями воздушные потоки. К элементалу подрулил соплеменник, материализовался, спросил:

- Эай звал?

- Эай звал, - кивнул старший сильф, - Я заменю тебя.

- Мне не дозволено...

- Дай руку.

Прилетевший со стороны Радужного Города сильф протянул Эаллойенуму ладошку, тот взял ее в руки и прошептал несколько слов. Печать Послушания, наложенная на маленького слугу, перешла на грудь старшего элементала, что, впрочем, было недостаточно, чтобы его контролировать в случае чего.

- Эай хороший, Эай добрый, - сильф прослезился, - Эай освободил Мэя...

- Мэй молодец, - сказал Эаллойенум, погладив младшего по голове, - Мэй хорошо поработал, а теперь Эаю нужно работать вместо Мэя...

- Мэй полетел... - мальчишка намылился было раствориться в воздухе, но Эаллойенум его

остановил:

- Пстой!

- А?

- Дай твою одежду, - сказал старший сильф, - Эаю надо выглядеть, как Мэий.

Младший сильф дернул худыми плечиками, приземлился на облако рядом. Хихикая, отдал Эаю одежду из Радужного Города. Вообще, сильфов, одетых одинаково, без труда можно было спутать: все они были светловолосые, худые и бледные, с прозрачными радужными глазами. Только у Эаллойенума лицо было серьезным, а у второго сильфа - дурашливо-ребяческое.

- Мэий может лететь? - спросил последний.

- Мэия никто не держит, - ответил Эай. Договаривал он уже пустому месту - истосковавшийся по вольным просторам сильф мгновенно испарился, чтобы теперь как угорелому носиться по небу.

- Я выгляжу, как идиот, - сказал Эаллойенум сам себе, оглядев свой новый гардероб. Легкие шорты с множеством карманов, полупрозрачный плащ за спиной. Слишком много для молодого элемента, не привыкшего себя стеснять ничем, но явно недостойно статуса Эаллойенума.

- Ненавижу магов, - сильф моргнул, переключившись на магическое зрение, и на груди проступило две печати: одна бутафорская, якобы удерживающая его на службе Радужного Города и Избранника в частности; вторая - настоящая, скрытая от глаз непосвященных, вот уже сотни лет делающая Эаллойенума рабом Аргаррона.

Фальшивая печать дернулась, напоминая о себе: кто-то звал слугу в покои Ростислава. Будь печать в полной силе, она причинила бы несильную, но крайне неприятную боль. Эаллойенум вздохнул и со стрекотанием понесся вперед, туда, где в свете солнца переливались шпили и купола Радужного Города...

* * *

- Ну что, налетался? - спросил Ломдар-Каюн, когда абсолютно счастливый Ростислав ввалился обратно в окно, - Надо тебе сходить к Т'зиро и продолжить уроки фехтования. Вижу, тебе это

гораздо более интересно...

- Вовсе нет! – воскликнул юноша, снова плюхаясь за свой рабочий стол, – Мне интересно... и про Историю Каенора, и про магию, и вообще про все... ну, разве что этикет немного это...

- Зануден и скучен, – кивнул старый маг, – Я знаю. Ладно. Давай проверим, так ли ты был усерден, как говоришь. Обратимся к бестиарию...

Ломдар-Каюн подошел к стене и развернул плакат, на котором был изображен жуткий монстр – пасть-пещера с пятью рядами зубов, четыре перепончатых крыла, хвост с горизонтальным стабилизатором на конце. Тварь была покрыта волосатой чешуей, а по бокам хаотичной россыпью злобно сверкали многочисленные глаза. Ростиславу невольно вспомнился Путь и две стены.

- Что за зверь? – спросил старый маг.

- Маргаррат, – сказал юноша, без труда вспомнив наименование этого кошмара, – Порождение Хаоса, вымиравший реликт. Хищник, опасен для одиноких летящих или для небольших групп...

- Постой, а чем он поражает свою добычу?

- Ну, помимо зубов и хвоста, маргаррат обладает рудиментарными способностями к магии и может погрузить слабовольную жертву в некое подобие транса.

- Молодец... – Ломдар-Каюн сменил плакат, на котором изображалась крылатая змея с жучиными жвалами и хвостом-опахалом. Крылья твари были как у осы – узкие и прозрачные, – А это кто такой?

- Это змеемуха. Обитатели болот и влажных джунглей, небольшая популяция, приспособившаяся к местным условиям, живет в Шакмари... Редко нападают на существ больше себя, но, в голодное время или, защищая гнездо, могут напасть всем роем, что очень опасно из-за их острых жвал и яда...

- А... – начал было старый маг, но Ростислав неожиданно перебил:

- Учитель...

- Да?... Ты что-то хотел спросить?

- Да, учитель, – юноша встал, – Я хотел поговорить о моем сне...

- Вещий сон?.. Или... хм... как ты говоришь... пикантный?

- Не совсем, - Ростислав покачал головой, - Я видел Аргаррона, который говорил со мной посредством сна...

- Продолжай, - подбодрил Ломдар-Каюн.

- Он говорил, что квестры действуют ничуть не лучше него... Что после войны от квестров досталось и grosкам, и шакмарам, и, конечно, больше всего - гаррам. Причем неоправданно жестоко. Это правда?

- Правда, - кивнул Ломдар-Каюн, - Они приходили, чтобы убивать нас, они получили то, что пытались принести другим - смерть и разрушение.

- Но... но чем тогда вы от них отличаетесь? - спросил Ростислав, - Вы так похожи на людей, и я вижу все больше общего. Особенно - лицемерия.

- Аргаррон сказал тебе, что Тьма и Свет - всего лишь флаги?

- Сказал, - юноша вздохнул, - Еще он сказал, что для того, чтобы убить его, я должен буду неминуемо погибнуть.

- Вовсе не обязательно, - сказал квестр, подходя к ученику и кладя руку ему на плечо, - У тебя будет выбор... Но какой - тут я тебе не помощник. Многое зависит от тебя.

- Но почему было не сказать мне об этом заранее? - Ростислав начал раздражаться, - Или вы хотели поставить меня в известность непосредственно перед битвой?

- Во-первых, ты не спрашивал, а, во-вторых, эта информация на данном этапе была бы совершенно несвоевременной.

- Допустим, - Ростислав упер руки в бока, - Скажите, почему меня даже не держат в курсе дела? Вчера вечером я случайно услышал разговор двух офицеров, и они говорили, что Аргаррон не только выступил в поход, что называется, в силах тяжких, но и уже набирает силы у grosков. Мне даже никто не сказал!

- А зачем тебе это знать? - спросил Ломдар-Каюн, - Тебя же готовят не для того, чтобы ты в одиночку порубил все гаррское войско, а чтобы нанес один-единственный удар по архидемону. А если бы тебе сказали, ты ведь тут же рванул бы в бой на армаду Грамба и бессмысленно погиб.

- Ясно... Но Аргаррон же будет убивать, пока я здесь...

- Положим, чтобы добраться до Радужного Города, ему понадобится немного больше времени, чем он думает, - усмехнулся старый маг, - Но и без того, до нас ему многие недели полета, даже если предположить, что он не будет останавливаться, а он будет.

- Для чего?

- Ему нужна энергия для заклинаний, - по лицу квостра пробежала тень, - Он может получать ее только одним способом...

Ростислав молчал. Про магию крови ему уже объясняли, и дополнительных комментариев не требовалось.

- Это ужасно, - сказал, наконец, парень, - Чудовищно.

- Теперь ты понимаешь, в чем разница между нами? - спросил Ломдар-Каюн, - Может быть, мы и были жестоки в гневе и отмщении, но никогда квостры не жертвовали чужими жизнями ради власти и силы. Никогда.

- Я понял, - Коротков опустил голову, - Прости меня, учитель.

- Мне не за что прощать тебя, мальчик мой, - старик коснулся Ростислава кончиком крыла, - Твой вопрос был очень рационален...

Они еще постояли рядом, не глядя друг на друга, потом продолжили занятие. Ростислав, который и в своем мире проявлял незаурядные успехи в учебе, и здесь впитывал знания как губка воду. За один только день, вернее, за его первую половину, которая была посвящена научным и магическим занятиям, Ростислав изучил огромный даже для него объем информации: и новые виды существ, населяющих Каенор, и несколько магических формул, которые могли сильно помочь в предстоящей схватке, и историю этого странного мира без тверди...

Занятия продолжались, пока не пришел Т'зиро и не забрал немного притомившегося в четырех стенах Избранника в зал для тренировок. В этот день рыцарь Радуги показал юноше несколько приемов, которые были направлены на противодействие противнику с более тяжелым оружием. Имитацию этого гипотетического тяжелого оружия исполнял подвешенный на веревке обшитый кожей деревянный молот внушительного размера, который за полдня наставил Избраннику немало синяков.

- Но как же парировать такое! - возмущался Ростислав, когда ему чуть не переломало крылья во время неудачной попытки финта.

- А никак, - сказал Т'зиро, помогая Ростиславу встать, - Если то, что я знаю об Аргарроне, верно, то его удар ты не парируешь при всем желании. Он тебя просто сметет.

- Как же тогда быть?

- Уворачиваться, - Т'зиро встал в стойку, немного расправил крылья, - Вот смотри, ты уходишь от удара вот так, закрываясь мечом, чтобы перехватить вражеский клинок и пустить его вскользь. Но если мы имеем дело с нашим дражайшим Аргарроном или, скажем, с костяным гигантом, то пытаться парировать просто бессмысленно. Используй крылья, чтобы помочь себе в прыжке, а меч, бесполезный для парирования, используй для атаки. Смотри... вот так... - квостр показал прием, ловко уйдя с траектории удара молота и успев вдобавок ткнуть в него мечом.

- Здорово... - проговорил Ростислав, - Мне, наверное, никогда так не сумею...

- Я это слышал и про парирование, и про поединок в полете, - отмахнулся Т'зиро, - Давай попробуем, прежде чем делать выводы. Так. Молодец. Теперь обходи... да нет же!.. Ну, ничего, не скули... это всего лишь очередной синяк.

Ростислав поднялся с пола, потирая ушибленное плечо.

- Больно, - сказал он, - Уже третий раз сюда попадает...

- Да... Знаешь, а ведь у нас будут тренировки, которые направлены на то, чтобы ты умел терпеть боль...

- Что?! Меня что, будут бить?

- Нет. Применяют особое заклинание... Под его воздействием тебе понадобится один раз вытерпеть как можно более сильную боль, но потом она не сможет помутить твоё сознание и не заставит скрючиться на полу...

- А когда?..

- На неделе... Время все же поджидает, Ростислав, - Т'зиро вздохнул, - Все рыцари Радуги проходят сквозь это... Надеюсь, ты понимаешь, что это необходимо, и нам никакого удовольствия не доставляет.

- Понимаю, - кивнул юноша, - Но все равно страшновато...

- Если есть мужество признаться в своем страхе, то это уже говорит о многом, - кивнул квостр, - Ну что, продолжим?.. А то еще начнешь бояться молота...

- Продолжим, - сказал Ростислав. Повел плечами, поморщился, - Заодно потренируюсь терпеть боль.

- Если хочешь, мы можем пропустить то занятие, - сказал Т'зиро, - но подумай о возможных последствиях, ты же умный парень.

- Я... понимаю, - выдавил Ростислав, - Просто... как бы так сказать...

- Страшно, - кивнул Т'зиро, - Если бы ты знал, как я боялся перед испытанием...

- Это успокаивает, - Ростислав крутанулся и безупречно выполнил показанный прием.

- Молодец, - сказал квостр, - Еще пару раз проделай, чтобы закрепить... потом немного изменим условия, чтобы ты не начал стандартизировать движения... Помнишь, что я тебе говорил насчет этого?

- Конечно, - сказал Ростислав, подныривая под качающийся молот, - Импровизация и интуиция...

«...Еще один день, - думал он несколько позже, направляясь к себе, по бесконечным балюстрадам и галереям дворца, - Очередной день в этом странном мире, где нет тверди, но есть волшебство, крылья и любовь... Интересно, куда подевалась Лия?... Неделю, почитай, уже не виделись. И никто, главное, не знает, где она...»

Действительно, Лия куда-то пропала после того разговора на крыше, да и вообще как-то не стремилась к обществу Ростислава. Последнего это крайне расстраивало и беспокоило, юноша думал, что чем-то обидел возлюбленную, а редкие встречи происходили в местах, совершенно не предназначенных для разговоров по душам. Ассамблеи, балы, где за Ростиславом всегда увивались толпы квостров, стремящихся засвидетельствовать свое почтение молодому Избраннику. Этикет не позволял Короткову просто уйти, или не ответить на комплименты и тосты, так что подобные вечера выматывали похуже любой тренировки. Лия же всегда неуловимым призраком мелькала в толпе, не подходя, и Ростиславу было до нее совершенно не добраться. Один или два раза он приближался, но Лия держалась подчеркнуто официально и всегда присылала мысль: «Не здесь и не сейчас...»

Ростислав после такого оставался полностью сбитым с толку.

Что было на уме у ворожей, юный Избранник мог только догадываться, иногда девушка пропадала на несколько дней кряду, и все, у кого юноша спрашивал, ссылались на какие-то ритуалы и дела ворожей. Последние же на вопросы Избранника или отмалчивались, или отвечали односложно и холодно, и общий смысл ответов был таков: «Не лезь не в свое дело, мужчина». Это не говорилось открытым текстом, но явственно ощущалось между строк, причем практически неприкрыто. Видимо, от резкостей волшебниц удерживал только официальный статус Ростислава, традиционно приравниваемый к Верховному магу Стихии, члену Совета. К слову сказать, на заседания Короткова никогда не звали.

Ростислав зашел к себе, уселся в любимое кресло возле волшебного зеркала, которое при элементарном магическом вмешательстве могло показывать пейзажи Каенора и даже, по словам Ломдар-Каюна, других миров. Правда, Ростислав пока не мог вызвать вид, скажем, своей родины или чего-нибудь фантастического, а Ломдар-Каюн не проводил демонстраций.

- Перекусите? - спросил бесшумно подошедший сзади сильф.

Ростислав подпрыгнул, сказал:

- Я же просил не подкрадываться сзади!.. Уже забыл, что ли?

- Я не Мэйи, - сказал сильф, - Ему пришла пора уйти.

- Куда?

- Это неважно и не касается смертных, - уклонился от ответа элементал.

Ростислав только сейчас заметил, что нынешний слуга действительно отличался от предыдущего. Тот всегда был веселым и беспечным, как настоящий мальчишка, а на лице этого читалась совсем не детская серьезность. Кроме того, он выглядел старше.

- Как твое имя? - спросил юноша, - То есть, как мне называть тебя?

Он уже знал, что владеющий истинным именем элементала полностью подчинял его себе. И спрашивая имя, маги почти всегда преследовали цель подчинить духа себе.

- Зови меня Эай, - сказал сильф.

- Эай, ты не мог бы изменить выражение лица? - спросил Ростислав, - А то цветы завянут.

- Отчего?

- От этой кислой мины! - улыбнулся юноша, - Мне теперь что, заново объяснять, что раболепия и официальности не надо?

- Понял, - Эай выдавил улыбку и присел на поручень кресла, болтая босой ногой, - Так как насчет перекусить?

- Не откажусь от бокала вина и фруктов, - сказал Ростислав. Надо сказать, что раньше он пробовал только шампанское в последний Новый Год у себя дома, а в Каеноре стали доступны изысканные вина Радужного Города, и паренек не устоял перед искушением попробовать. Тем

более, что квестры не возражали – по их меркам Ростислав уже считался взрослым.

Эай показал в сторону столика, на котором стоял легкий ужин.

– На столе, – сказал он, – Если что-то не так, скажи... А то я еще не знаю твоих вкусов.

– Ты странный, – сказал Коротков, – Слишком уж серьезный для сильфа.

Эай мысленно выругался. Похоже, годы пыток и многовековое рабство навсегда вытравили из души элементала детскую жизнерадостность и проказливость. При одном воспоминании о страшных когтях, терзающих мальчишеское тело, накатывала дрожь. Аргаррон тогда лично мям в руках пойманного в волшебную ловушку сильфа, получая наслаждение от мук беспомощного духа. Учитывая то, что материальная форма в тот момент была практически бессмертна, эта пытка, казалось, длилась вечно. В конце концов, Эаллойенум не выдержал и сказал Аргаррону свое истинное имя. Это прекратило пытки тела, но, похоже, навсегда сделала маленького сильфа рабом архидемона.

– У меня была длинная и беспокойная жизнь, – выдавил он, наконец. Печать Аргаррона на груди предупреждающе шевельнулась, словно ледяной иглой дотрагиваясь до астральной сущности элементала. Эаю захотелось плакать. Стоило проговориться – и душа элементала будет ввергнута в Огненную Плоскость, откуда родом саламандры, ифриты и прочие духи огня. Сильфу в этой бездне пламени не светило ничего, кроме бесконечной боли без единого шанса вырваться самостоятельно. Единственной надеждой могло быть неслыханное событие: чтобы кто-нибудь призвал сильфа по имени, обращаясь при этом к стихии огня...

– Ты старше Миэя, да? – спросил Коротков.

– Намного, – Эай отвел взгляд, – И не только по времени...

– Такое впечатление, что тебя кто-то очень сильно обидел, – сказал Ростислав, неспешно принимаясь за еду, – Я видел такой взгляд раньше.

– У кого?

– У беспризорных детей на улице. Столько же боли, злости и отчаяния.

Эай промолчал. Что ж, задание Аргаррона можно было выполнить и играя на жалости. Если попробовать излить душу, может, и Избранник ответит взаимностью?

– Если хочешь, я расскажу тебе свою историю, – сказал Эай, – Если, конечно, тебе будет интересно слушать нытье старого сильфа...

Ростислав кивнул. Рассказывай, дескать.

– Когда я был очень молодым и очень глупым, я, конечно же, страдал излишним любопытством, как и все сильфы, – начал элементар, – Один раз меня угораздило пролететь над странным летающим островом, как выяснилось часом позже, принадлежавшим Аргаррону...

Печать снова дернулась на груди, но Эай не собирался выдавать цели своего задания. Он особенно цветасто рассказал о пяти годах практически непрерывной пытки, сотнях лет рабства и связанных с этим унижениях и обидах. Ростислав все больше мрачнел по мере рассказа, примерно на середине отставил поднос вместе с бокалом. Эай лишь умолчал, что до сих пор является рабом Аргаррона, убедительно солгав, что срок рабства, обозначенный самим демоном, истек несколько лет назад.

– ...С тех пор я свободен, но воспоминания еще слишком яркие даже с короткой памятью сильфа, – закончил он рассказ.

– Это чудовищно, – сказал Ростислав, положив руку Эаю на плечо, прикрытое полупрозрачным плащом, – Аргаррон заслуживает смерти только за такое...

– Что?

– Я говорю, тот, у кого поднимается рука на ребенка, не достоин жить, – серьезно сказал Ростислав, который всегда переживал за детей, страдающих от сволочной жизни, – Даже если эти дети – духи воздуха...

Эай отвел глаза. Ему нравилась искренность и отзывчивость юноши, но перспектива провести вечность в бушующей бездне пламени, пугала до холодка между оснований крыльев. Сильф по-детски всхлипнул и утер нос тыльной стороной ладони.

Ростислав молчал, глядя на мальчишку, стоящего перед ним. Тот, не поднимая глаз, спросил:

– Еще что-нибудь надо?

– Нет, спасибо, – грустно улыбнулся Ростислав, – Ты молодец.

Эай кивнул и вышел из комнаты. На сердце сильфа было тоскливо. Печать Аргаррона багровым комком пульсировала на груди, впитывая отрицательные эмоции, служившие ей чем-то вроде энергетической поддержки. Эай ненавидел это гадкое шевеление. Всеми фибрами своей души, всей своей сущностью... подлость была в том, что и гнев печать тоже поглощала.